

К. Биркин

Временщики и фаворитки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
К11

К11 **К. Биркин**
Временщики и фаворитки / К. Биркин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 416 с.

ISBN 978-5-4241-2367-2

Книга Кондратия Биркина (П. П. Каратыгина), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI XVIII веков.

Иван Грозный, Екатерина Медичи, Мария Стюарт, Людовик XIV эти персонажи и их окружение становятся главными героями исторических хроник писателя.

ISBN 978-5-4241-2367-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© К. Биркин, 2021

Кондратий Петрович Биркин
Временщики и фаворитки

Об авторе

Кондратий Биркин – один из псевдонимов русского историка и литератора XIX века Петра Петровича Каратыгина (1832–1888), сына известного актера Петра Андреевича Каратыгина.

Петр Петрович Каратыгин получил домашнее воспитание и образование, в учебных заведениях не обучался и «аттестата о науках не имел». В 19 лет Петр Каратыгин поступил на службу канцеляристом в Департамент внешней торговли и прослужил там три года, после чего еще два года служил вольноопределяющимся в Императорском австрийском полку Франца I. Все последующие годы Каратыгин зарабатывал на жизнь исключительно литературным трудом.

В двадцать пять лет в бенефис отца, Петра Андреевича Каратыгина, П. П. Каратыгин впервые вышел на сцену Александринского театра и очень успешно дебютировал, но в труппу театра так и не был принят. Отец объяснял это причинами недоброжелателей, а сам П. П. Каратыгин не считал, что создан для сцены и характеризовал себя так: «...я совершенный медведь и нелюдим... образ моей жизни самый замкнутый и уединенный».

П. П. Каратыгин постоянно сотрудничал с журналами «Всемирный труд», «Русская старина», «Исторический вестник», публиковался в «Современнике», газете «Свет» и других изданиях. После смерти отца в 1879 году, еще при жизни доверившего все свое немалое состояние недобросовестному человеку, П. П. Каратыгин не получил ни копейки и вынужден был браться за любую литературную работу, что в конце концов и истощило его силы.

Наибольшую известность принесли Каратыгину исторические и историко-литературные исследования, составившие самую ценную часть его литературного творчества. Тема, которая интересовала литератора всю жизнь, и к которой он возвращался на протяжении всего творчества – история Петербурга. Каратыгин посвятил любимому городу монографию «Холерный год. 1830–1831», в которой собраны многочисленные свидетельства и рассказы очевидцев, а также наиболее полную «Летопись петербургских наводнений. 1703–1879». Большой интерес Каратыгина к истории вылился в ряд документально-исторических очерков: «Императрица Мария Александровна», «Великий князь Михаил Павлович», «Светлые минуты императора Павла», «Сила Андреевич. Характеристические черты из жизни графа Аракчеева», «Бенкендорф и Дубельт» и многие другие.

Будучи опытным и добросовестным литератором, Каратыгин составил ряд историко-литературных очерков, которые отличаются живым языком и доступной формой изложения. При работе историк пользовался официальными документами, архивными материалами, письмами, воспоминаниями современников, устными рассказами очевидцев и активно вводил в свой материал сведения прежде неизвестные или недоступные для печати. Перу Каратыгина принадлежат также труды об Александре Сергеевиче Пушкине, о Наталье Николаевне Пушкиной (Гончаровой), о Тарасе Григорьевиче Шевченко, литературно-бытовой портрет Ф. В. Булгарина, о цензуре времен императора Павла I и многие другие.

Хорошо знакомый с театральной средой, Каратыгин собрал богатый материал по истории русской сцены с описанием закулисных нравов и преданий, био-

графическими очерками и сценическими портретами под названием «Русский театр, артисты и артистки. 1801–1855».

К исторической беллетристике Каратыгин обращался, скорее всего, ради заработка, активно используя наработки для своих историко-литературных трудов. Одним из самых значительных трудов Петра Петровича Каратыгина стали «Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII вв.» – хроники исторических скандалов при дворах европейских и русских монархов, впервые вышедшие в свет в Петербурге в 1870–1871 гг. и до сих пор вызывающие неугасающий интерес у читателей.

Вступление

*Sur cent favoris du roi, quatre-vingt cinq
ont été pendus.*

Napoleon I

*La femme d'un charbonnier est plus
respectable que la maîtresse d'un prince.*

J.-J. Rousseau

Внимательно перечитывая летописи былых времен, наши и иностранные, невольно приходишь к тому убеждению, что, кроме ненависти, злобы, эгоизма, зависти, и *любовь* играла не последнюю роль во многих мировых событиях и весьма часто оказывала немаловажное влияние на судьбы народов и целых государств. К сожалению, к этому вопросу – *о значении любви в истории* – с должным вниманием доныне относились весьма немногие, и нельзя надивиться бедности европейских литератур по части биографий героев и героинь, эксплуатировавших слабости сильных мира сего – временщиков и фавориток, бывших спутниками и спутницами многих светил политического горизонта, одновременно с последними и затмевавшимися. В чем искать причины равнодушия новейших историков к этому фазису домашней, так сказать, закулисной жизни монархов былых времен? Не опасно ли вводить скандальный элемент в такую строгую, серьезную науку, какова история? Если так, то подобный взгляд, узкий и слишком односторонний, напоминает жеманницу, отворачивавшуюся от наготы античной статуи, или малодушного брюзгу, опрометью бросающего науток от смрадного трупа из анатомического театра. Наука и скандал несовместны: для антиквария или художника античная статуя, несмотря на ее наготу, точно такой же драгоценный предмет для изучения, как рассекаемый смрадный труп для анатомиста. От историка, посвятившего свое перо жизнеописанию фавориток, никто и не потребует сальных анекдотов; в биографии фаворита или временщика не должно быть страниц, напоминающих Аретино, Боккаччо или Лафонтена. Если к *любви* в истории отнестись единственно как к источнику добра и зла, если на *любовь* посмотреть только как на *силу слабых и слабость сильных*, тогда биография временщика или фаворитки, бесспорно, может иметь смысл и значение.

Геркулес, прядающий у ног Омфалы или облачающийся в хитон Деяниры, Самсон, покорно склоняющий голову под ножницы Далилы, – символы многозначительные! В них олицетворения любви и неги, торжествующих над силою и могуществом и побеждающих героев непобедимых... И сколько раз в истории встречаются нам те же Геркулесы с Омфалами и Самсоны с Далилами в лицах правителей царств и их фавориток: Таис подстрекает Александра Македонского сжечь Персеполис, Антоний предпочитает римскому престолу ложе Клеопатры, дочь Иродиады требует у Ирода головы праведника и получает ее... В руках Мессалины – тигрицы, страдающей нимфоманией, – слабоумный Клавдий дурет окончательно; Нерон, обольщенный блеклыми прелестями достойной матери своей, Агриппины, или ласками Помпеи, прибавляет к своей биографии несколько лишних страниц, написанных кровью. Мудрый Юстиниан становится бесхарактерным ребенком пред своей Теодорой; бич Божий Атилл умирает в объятиях красавицы... Как мал и ничтожен Карл Великий, плачущий над гробом

своей любовницы, от которого его не могут оторвать, к которому, по наивному объяснению летописцев, его влечет *волшебная сила*.

Минуя длинный ряд многих великих событий, в которых любовь являлась главным деятелем, укажем на Франциска I, сведенного в могилу ядовитыми ласками прелестной Фероньеры; на Генриха IV, преклоняющего колени пред Габриэлю д'Эстре; на грозного Ришелье, пляшущего сарабанду пред Анной Австрийской... Вот, наконец, влюбчивый Людовик XIV, напевающий нежности какой-нибудь Лавальер, Монтеспан; или он же, версальское солнышко на закате, под башмаком ханжи Ментенон, вдовы шута Скаррона.

Восемнадцатый век, открывающийся во Франции безумными оргиями Регентства и оканчивающийся кровавыми поминками по убиенной монархии, – восемнадцатый век особенно богат временщиками, фаворитами и фаворитками повсеместно. Август Саксонский хвалится распутством, не на шутку воображая себя Юпитером; любовницы играют им как пешкой, а он, в угоду любовницам, играет честью и совестью... «Cotillon I, Cotillon I, Cotillon III!» – угрюмо считает своих державных неприятельниц Фридрих II, суровый ненавистник прекрасного пола; и в числе этих трех «юбок» находится титулованная любовница Людовика XV – маркиза Помпадур. Эту женщину целомудренная, высоконравственная Мария-Терезия, императрица австрийская, удостаивает самой радушной приязни, распространяющейся и на преемницу маркизы – Жанну Вобернье, графиню Дюбарри...

La maitresse de Blaise,
La belle Bourbonnaise,
Est fort mal a son aise!..¹ —

распевает о ней озлобленный народ французский. Эта «Бурбоннеза» – прелюдия «Марсельезы»; памфлеты и пасквилы, которыми со всех сторон осыпают короля и его фаворитку, пишутся перьями, очиненными ножничком *Дамьена*.² Дряхлеющий и коснеющий в разврате Людовик XV сам поет слагаемые о нем водевили и песенки, упуская из виду, что народ его обыкновенно начинает песенками дела нешуточные: под песенки Лиги и Фронды лилась кровь... Но король равнодушно хохочет над памфлетами, читает пасквилы и, отнимая у народа последние крохи, тешит свою Дюбарри сюрпризами да подарочками. Таким образом, хлеб в его руках превращается в камни, хотя и драгоценные, но от этого не легче народу, негодование которого растет да растет. Всмотритесь в Дюбарри и Людовика XV: разве эта красавица, отнимающая у народа последний кусок хлеба, а у королевской власти – всю ее силу и значение, не та же Далила, остригающая Самсона? А предпоследний король Франции разве не напоминает Ирода, царя иудейского, жертвующего Иродиаде головою Иоанна Крестителя? ... Одной ли головой? Пересчитайте, сколько невинных голов легло под гильотину.

Мы указали на те исторические факты, в которых любовь являлась в виде источника зла, когда она не только свергала королей с престолов, но даже лишала человека достоинства человеческого, низводя его на степень животного. Такова изнанка любви; не должно упускать из виду, что это самое чувство может так же подвинуть человека к высокому и прекрасному. Бросим же беглый взгляд на светлую сторону любви, на ее роль доброго гения в судьбах монархов и народов.

Почти повсеместно любовь, являясь в лице царич-христианок, жен царей-язычников, была участницей в великом деле просвещения царств светом Христовым. В истории находим не одну женщину – законную супругу или фаворитку, употреблявшую влияние свое на могучих людей в пользу и во благо их подданных. Агнесса Сорель умела воскресить в Карле VII чувства долга и чести; Ментенон обращала внимание Людовика XIV на ученых и литераторов, заслуживавших поощрения. Если в вышеприведенных примерах *злой любви* нежные ручки женщин разрушали престолы или подавали монархам перья для подписи смертных приговоров, то бывали между женщинами и светлые личности, укрощавшие порывы лютости во владыках земли, славившихся жестокосердием. Бывали минуты, когда ласки Дивеке, фаворитки Кристиана II Датского, из зверя превращали его в человека... У нас Анастасия Романовна, первая супруга Ивана IV, была ангелом-хранителем России, унесшим с собою в гроб все человеческие чувства Грозного... Человек тем покорнее обаянию любви, чем он чувственнее, лютее, звероподобнее; в человеке, как в тигре, кровожадность и сладострастие равно совместны. В истине этой физиологической аксиомы убеждает нас страшная личность Пугачева. Кому из нас не известна его нежная привязанность к Лизавете Харловой? Дочь и жена верных слуг царских, повешенных по приказанию беглого каторжника, Харлова сделалась его наложницею и в короткое время сумела настолько подчинить своему влиянию, что, усыпляя мужество в самозванце, пробуждала в нем совесть; ходатайствовала о пощаде приговоренных к смерти, и Пугачев уважал ее ходатайство. Женщина эта была расстреляна казаками, опасавшимися, чтобы самозванец окончательно не «обабился» в объятьях своей «душеньки».³

Повторяем, критическая разработка исторических фактов, в которых любовь – в хорошем или дурном смысле – играла главную *роль*, была бы трудом громадным, но и любопытным в высшей степени. Труд этот ждет руки достойного, даровитого деятеля, и, как нам думается, руки по преимуществу женской. Сознавая всю важность предпринятого нами сочинения, мы ограничились жизнеописаниями временщиков, фаворитов и фавориток трех последних столетий, именно трех, в которые при разнузданности нравов любовь деспотствовала повсеместно и над сильнейшими деспотами. Синхронический порядок, которого мы намерены придерживаться, даст нам возможность с должной последовательностью рассказать о жизни и приключениях счастливых несчастливцев; сынов и дочерей счастья, из ничтожества достигавших высших степеней славы, почета и – большею частью – тем ниже падавших. Участь временщиков и фаворитов (*неизбежной* принадлежности женщин, стоявших во главе правления) напоминает нам участь трех турецких визирей, которым султан жаловал шубу с собственных плеч, а завтра посылал тем же визирям шелковый шнурок для их собственной шени... Иной временщик, думая сесть на престол, попадал вместо того на кол; другой, недавно покоивший голову на подушках королевского ложа, клал ее на плаху; третий, несколько дней тому назад соединявший уста с устами своей повелительницы, выпивал яд по ее приказанию; четвертый, по мановению скипетра, будто волшебного жезла, из дворцовых чертогов переносился в убогую хижину изгнанника; пятый, засыпая под горностаевым мехом, просыпался под солдатской шинелью... Кардинал Уолси, Риччо, Эссекс, Басманов, маршал д'Анкр, граф Лерма, Валленш-тейн, Мональдески, Монс, Меншиков, Долгору-

кие, Бирон, Тренк, Струэнзе, Потемкин... С каждым из этих имен не сопряжено ли целой драмы или романа, каких, конечно, не измыслить и самому изобретательному воображению!

Незавидна участь временщиков и фаворитов, но и судьба фавориток не лучше. Счастливиц, из объятий пьяных солдат попадавших в объятия монархов или из развратных трущоб в чертоги дворца, было немного: чаще случалось наоборот. Фаворитки, подобно Лавальер, успевавшие вовремя удалиться в монастырь, были счастливее других, как избравшие благую участь; вообще же говоря, судьба полудержавных содержанок была почти всегда та же, что и обыкновенных. Старость, дающая людям права на уважение, постигая отставную фаворитку, обращалась ей в позор и поругание; если же и бывали люди, оказывавшие ей уважение, то едва ли оно могло быть лестно разжалованной прелестнице.

Представьте себе графиню Дюбарри на ее Люсьенской даче; Дюбарри, осыпанную бриллиантами, утопающую в шелках, бархатах, кружевах; Дюбарри, которую Людовик XV запросто потчует кофе собственной варки, за что, также запросто, удостоивается услышать из уст графини: «Merci, la France!» Через двадцать лет эта же самая Дюбарри на эшафоте ползала на коленях перед палачом, умоляя о пощаде; эту же самую Дюбарри палач потчевал тогда пинками и подзатыльниками, побуждая склонить голову под топор гильотины, грубо повторяя бывшей фаворитке:

— Altans, canaille!⁴

Таков был конец *последней* титулованной фаворитки короля французского — конец, над которым стоит призадуматься...

Раздумье над бедствиями, которыми временщики искупали свое мимолетное величие, над позором, постигавшим большинство фавориток при жизни или после смерти, побудило нас избрать эпиграфами для нашего труда изречения двух величайших людей своего времени.

«Из сотни королевских фаворитов восемьдесят пять погибло на виселице», — сказал Наполеон I — сам временщик счастья, пред которым раболепствовал весь свет.

«Жена угольщика достойнее уважения, нежели любовница государя», — говорил Ж.-Ж. Руссо, мудрец, кроме божества своего — природы, не преклонявший головы ни перед кем на свете.

ВРЕМЕНЩИКИ И ФАВОРИТКИ

Генрих VIII, король английский

*Кардинал Уолси. – Анна Болейн. – Джейн Сеймур. – Екатерина Говард. –
Екатерина Парр
(1509–1547)*

Тирания и лютая кровожадность в венценосцах – вот еще две характерные черты XVI века, о которых мы хотя и не упомянули во вступлении к нашему труду, но не теряли их однако же из виду. Почти каждое государство, будто состязаясь с другими, порождало своего Тиберия, Калигулу или Нерона. Турция имела Сулеймана II, Испания – Филиппа II, Дания – Христиана II, Россия – Ивана Грозного, Швеция – Эрика XIV, Англия – Генриха VIII. Все они, будто звери одинаковой породы, во многих чертах имеют какое-то родственное сходство, но оно особенно бросается в глаза при сличении Генриха VIII, короля английского, с Иваном IV Васильевичем, царем всея Руси.

Царствование Генриха, подобно царствованию Грозного, можно разделить на две эпохи: славы и бесславия. В первую пору тот и другой отличались прекрасными качествами, заботливостью о народе, о пользах государства и славными воинскими деяниями. Потом они словно перерождаются, и все их действия клонятся как будто к тому, чтобы невинно проливаемой кровью смыть первые страницы своих биографий, а злодействами изгладить из памяти народной все отрадные впечатления первых лет их царствования! Новейшие казуисты утверждают, что каждое преступление совершается человеком не в нормальном состоянии его умственных способностей и что оно есть проявление болезни воли или припадок сумасшествия. Допуская этот взгляд на преступления и преступников, можно, право, подумать, что в XVI веке, от его начала до конца, в Европе свирепствовала какая-то эпидемия зверства: лихорадка деспотизма, *красная* горячка или мания самодурства. Действительно, при сравнении тиранов разных стран между собою они по разительному сходству зверских своих выходок, по изобретательности на пытки и истязания, по адской иронии, которой приправляли смертные приговоры, напоминают одержимых однопредметным помешательством. Возьмем неукротимое сладострастие Генриха VIII и нашего Грозного, их языческое женолюбие, облекаемое, однако, в форму законного, супружеского сожительства, – в этом один как будто подражал другому. Генрих VIII любил богословские прения и выказывал при них претензию на основательное изучение предмета; Грозный точно так же любил беседовать с духовенством, хвалил иноческое житие и кощунственно подражал ему со своей опричниной в Александровской слободе. Советы Вассиана, инока Кирилловского монастыря, растлили сердце царя Ивана Васильевича и посеяли на эту восприимчивую почву первые семена злобы и ярости... То же самое, хотя иными путями, сделал с сердцем короля Генриха VIII его любимец, честолюбивый кардинал Уолси. Наконец, по какому-то таинственному предопределению и царь русский, и король английский преобразились к худшему и впали в тиранию почти через одинаковое число лет: Грозный – через двадцать два года (1538–1560), Генрих VIII – через двадцать один год (1509–1530); тирания первого длилась, однако, двадцать четыре года

(1560–1584); к Англии Провидение было милосерднее: Генрих VIII свирепствовал семью годами менее – с 1530 по 1547 год. И того достаточно было.

В покойном короле Генрихе VII скупость, доходившая до гнусного скряжничества, поглотила все человеческие и родительские чувства. При содействии своих министров, Эмпсона и Дадлея, он систематически грабил народ под видом всяких податей, прямых и косвенных налогов. Народ беднел, королевская казна обогащалась, и, несмотря на последнее, двор и королевское семейство были не только далеки от роскоши, но явно терпели неудобства от непомерной экономии и расчетливости скупого короля. Эта жизнь была особенно несносна наследнику престола – Генриху, принцу Уэльскому,⁵ одаренному умом и сердцем, склонному ко всякого рода развлечениям и – как оно всегда бывает с сыновьями скупцов – к расточительности. Естественная, хотя и неблагородная мысль – вознаградить себя за все лишения после смерти отца – переходила в желание ему скорейшей кончины, разделяемой втайне и всем народом. Наконец 22 апреля 1509 года скончался Генрих VII, завещая восемнадцатилетнему принцу Уэльскому престол, казну в 1800 тысяч фунтов и вместе с короной руку своей невестки, Екатерины Арагонской, вдовы принца Артура, бывшего наследника, скончавшегося за шесть лет до этого.

Первый брак был следствием политических соображений Генриха VII, второй – следствием его скупости.

Дочь Фердинанда Католика и Изабеллы, родная сестра Хуаны Безумной, Екатерина Арагонская родилась в 1485 году и, по обычаю того времени, с колыбели была присуждена на принесение в жертву политике. Семнадцати лет она была выдана за наследника английского престола Артура, принца Уэльского (14 ноября 1502 г.), юноши хворого, страдаемого изнурительной болезнью; Екатерина была для него не женой, но сестрой милосердия и вместо брачного ложа нашла в чужой стране смертный одр несчастного, которого дали ей в мужья... Через год Артур скончался. По договору державных сватьев Генрих VII обязан был возвратить своей невестке приданое (100 тысяч фунтов) и отпустить ее на родину. Расстаться с громадной суммой было королю-скряге едва ли не тяжелее, нежели потерять сына. Право престолонаследия перешло к младшему брату покойного Артура, двенадцатилетнему Генриху, и нежный родитель решил обручить его с вдовой его брата, на что и получил разрешение от Папы Юлия II. Приданое осталось неприкосновенно, и дружественные отношения с Испанией упрочились. Когда Генрих достиг совершеннолетия, король-отец снова вступил в переговоры с испанским королем о прибавке приданого и пересмотре нового брачного договора и в ответ на отказ Фердинанда принудил сына от его собственного имени протестовать против предстоящего брака (27 июня 1505 г.). Дело однако же уладилось; Папа вторично признал его законность, дал разрешительную буллу, и, несмотря на это, Генрих VII все медлил бракосочетанием сына с невесткою, желая, вероятно, выторговать еще какую-нибудь прибавочку к приданому... Так продолжалось до его смерти.

Через два месяца по восшествии на престол Генрих VIII отпраздновал свою свадьбу с Екатериной Арагонской, а через несколько дней короновался. Не было предела радости народной, не было конца и праздникам, балам, турнирам, которыми Генрих VIII вознаграждал себя за долгий пост при жизни слишком расчетливого родителя. Просим извинения у читателя за тривиальное сравнение, но